

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-413-418

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

КЛИМОВ Я.И.,

ассистент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; соискатель кафедры международного и интеграционного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия, ORCID: 0009-0009-7541-9715,

e-mail: yiklimov@fa.ru

ПЛАВУЧИЕ АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И ПУТИ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования является правовой статус плавучих атомных электростанций (ПАТЭС) в условиях вооружённого конфликта. Ввод в эксплуатацию «Академика Ломоносова» в 2019 г. обнажил правовую неопределённость: ни международное гуманитарное право (МГП), ни конвенционное ядерное право, ни морское право не обеспечивают ПАТЭС специальной защиты при боевых действиях. Цель исследования – установить реальный объём правовой защиты ПАТЭС при вооружённом конфликте и сформулировать предложения *de lege ferenda*. Применены системно-правовой анализ, телеологическое толкование по статье 31(1) Венской конвенции о праве договоров, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Установлено, что статья 56(1) Дополнительного протокола I (ДП I) не распространяется на ПАТЭС ввиду технологического разрыва 1977 г.; Конвенция о ядерной безопасности, КФЗЯМ и ICSANT самоустраиваются через военные исключения или критерий наземности; морское право не содержит специальных норм о режиме ПАТЭС при конфликте. Пробелы трёх режимов взаимно усиливают друг друга. *De lege ferenda* предложены специальная конвенция МАГАТЭ/ИМО, факультативный протокол к статье 56 ДП I и верификационный механизм МАГАТЭ. Результаты применимы при разработке международных договоров о статусе ПАТЭС.

Ключевые слова: плавучие атомные электростанции, международное гуманитарное право, Дополнительный протокол I, правовая неопределённость, *de lege ferenda*, морской вооружённый конфликт, конвенционное ядерное право.

KLIMOV Ya.I.,

Assistant of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Candidate of the Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

FLOATING NUCLEAR POWER PLANTS IN INTERNATIONAL LAW OF ARMED CONFLICTS: LEGAL UNCERTAINTY AND WAYS TO OVERCOME IT

Annotation. This study examines the legal status of floating nuclear power plants (FNPPs) in armed conflict. The commissioning of Akademik Lomonosov in 2019 exposed a critical legal gap: neither international humanitarian law (IHL), nor conventional nuclear law, nor maritime law provides FNPPs with specific protection during hostilities. The study aims to determine what protection current international law actually affords FNPPs in armed conflict and to formulate *de lege ferenda* proposals. Systemic-legal analysis, teleological interpretation under Article 31(1) of the Vienna Convention on the Law of Treaties, comparative-legal, and historical-legal methods were applied. It is established that Article 56(1) of Additional Protocol I (AP I) does not extend to FNPPs due to a 1977 technological gap; the Nuclear Safety Convention, CPPNM, and ICSANT self-exclude through armed conflict exceptions or the land-based criterion; maritime law contains no specific rules on FNPP status in naval conflict. The gaps of all three regimes mutually reinforce each other. *De lege ferenda*, three complementary measures are proposed: a special IAEA/IMO convention, an optional protocol to Article 56 AP I, and an IAEA verification mechanism. The findings are applicable to the development of international instruments on FNPP legal status.

◇ **Key words:** *floating nuclear power plants, international humanitarian law, Additional Protocol I, legal uncertainty, de lege ferenda, maritime armed conflict, conventional nuclear law.*

ВВЕДЕНИЕ

В сентябре 2019 г. плавучая атомная теплоэлектростанция «Академик Ломоносов» заняла штатное место дислокации в арктическом Певеке. Объект несёт два реактора типа КЛТ-40С мощностью 70 МВт электрической и 50 Гкал/ч тепловой энергии – модификацию корабельных установок атомного ледокольного флота [1, 19]. Станция несамостоятельна: перемещение возможно исключительно с помощью буксира. Именно это обстоятельство запускает цепочку правовых коллизий, ни одна из которых не разрешена действующими международными договорами.

К ПАТЭС в вооружённом конфликте теоретически применимы три правовых режима. Первый – МГП, прежде всего статья 56 ДП I, устанавливающая специальную защиту установок с опасными силами. Второй – конвенционное ядерное право: КЯБ 1994 г., КФЗЯМ 1980 г. с Поправкой 2005 г. и ICSANT 2005 г. Третий – право вооружённых конфликтов на море в сочетании с международным морским правом (Конвенция ООН по морскому праву, далее – ЮНКЛОС; Международная конвенция по охране человеческой жизни на море, далее – СОЛАС; Конвенция о борьбе с незаконными актами против безопасности морского судоходства, далее – SUA). Каждый из них применим частично, и каждый устраняется в тот момент, когда радиологическая угроза материализуется.

В зарубежной литературе отдельные аспекты темы освещены Фялькоффом [12], Рёбенком [3] и Леопарди [13]. Фялькофф первым применил концепцию «плавающего хамелеона» к ПАТЭС и указал на пересечение морского и ядерного режимов [12]. Вместе с тем его анализ не затрагивал применимость статьи 56 ДП I и не рассматривал положение ПАТЭС с точки зрения договорных обязательств конкретного государства. Рёбен в 2025 г. подробно исследовал ПАТЭС в контексте морского права [3], однако МГП и режим гражданской ответственности остались вне поля его анализа. В отечественной доктрине систематический анализ правового статуса ПАТЭС в условиях вооружённого конфликта – с учётом совокупности трёх режимов и применительно к договорным обязательствам России – ранее не проводился. Настоящее исследование восполняет этот пробел и формулирует конкретные предложения *de lege ferenda*.

Новизна исследования состоит в том, что взаимоусиливающий характер пробелов в МГП, ядерном праве и морском праве применительно к ПАТЭС впервые в отечественной науке

рассматривается как системная характеристика, а не как совокупность технических упущений. В отличие от предшествующих работ, анализирующих каждый из трёх режимов отдельно, настоящее исследование показывает: источник проблемы – в том, что каждый из режимов создавался для одной технологической реальности, тогда как ПАТЭС принадлежит к другой.

МЕТОДЫ

Источниковую основу составляют: статья 56 ДП I 1977 г.; КЯБ 1994 г. (INFCIRC/449); КФЗЯМ 1980 г. с Поправкой 2005 г. (INFCIRC/274/Rev.1); ICSANT 2005 г.; Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г. (INFCIRC/500); ЮНКЛОС 1982 г.; СОЛАС 1974 г.; Конвенция SUA 1988 г.; Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооружённым конфликтам на море (1994 г.); стандарты Международного агентства по атомной энергии (далее – МАГАТЭ) серии SSG-54 (2021 г.); доктринальные работы отечественных и зарубежных авторов, опубликованные в 2003–2025 гг.

Основным методом является системно-правовой анализ, позволяющий рассмотреть пробелы трёх режимов в их взаимосвязи. Применены также: телеологическое толкование по правилу статьи 31(1) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.; сравнительно-правовой анализ – для сопоставления режимов МГП, ядерного и морского права применительно к категории «установки с опасными силами»; историко-правовой метод – для реконструкции технологических допущений, положенных в основу каждого из рассматриваемых режимов. Системный характер взаимодействия пробелов оценивается через анализ цепочки отсылок: устанавливается, в какой мере каждый режим перекладывает регулирование на другой в точке максимального риска.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья 56(1) ДП I запрещает нападения на плотины, дамбы и атомные электростанции, если они способны вызвать высвобождение опасных сил и повлечь тяжёлые потери среди гражданского населения. Перечень исчерпывающий. Специальная защита конструктивно отличается от общего режима охраны гражданских объектов по статье 52(2) ДП I: для снятия иммунитета АЭС требуется одновременное выполнение тройного критерия – «регулярная, существенная и прямая поддержка» военных операций при невозможности достичь той же цели иными средствами. Для обычного гражданского объекта

достаточно «эффективного вклада в военные действия» – одного критерия из четырёх.

ПАТЭС в перечень статьи 56 не входит. Барамидзе в 2023 г. описал положение точно: ПАТЭС «с одной стороны становится таковой после присоединения к береговым сооружениям», приобретая черты наземного объекта, а с другой – юридически это «несамоходное буксируемое судно» [1]. Формулировка «атомные электростанции» в тексте ДП I писалась под наземные объекты: переговоры 1974–1977 гг. не предполагали существования коммерческих плавучих ядерных энергоблоков.

Телеологическое толкование здесь не снимает проблемы полностью. Если «атомная электростанция» в смысле статьи 56 охватывает ПАТЭС через *ratio legis* нормы, то есть через цель предотвращения высвобождения опасных сил, сразу возникает следующий вопрос: как применять тройной критерий утраты защиты к мобильному объекту? Критерий «регулярной, существенной и прямой поддержки» разрабатывался для оценки стационарной станции. Применительно к ПАТЭС, которая в разных фазах является и судном, и наземным объектом, и возможно экспортным объектом в исключительной экономической зоне (далее – ИЭЗ) третьего государства, этот критерий теряет операциональную определённую. Если специальная защита статьи 56 не распространяется на ПАТЭС, объект подпадает под общий режим статьи 52(2) ДП I. Гликман и Королькова в 2025 г. констатировали: статья 56 «игнорирует другие объекты, разрушение которых могло бы привести к необратимому ущербу» [4]. ПАТЭС – наиболее очевидный из таких объектов, появившихся после 1977 г.

Параграф 80 Руководства Сан-Ремо 1994 г. воспроизводит логику статьи 56 ДП I применительно к морской среде: объекты, содержащие опасные силы, пользуются специальной защитой при вооружённом конфликте на море [5]. Руководство не является договором. Оно создаёт доктринальный аргумент в пользу распространения специальной защиты на ПАТЭС при морском конфликте, однако государства им юридически не связаны.

КЯБ 1994 г. определяет сферу применения через понятие «ядерная установка»: «любая наземная гражданская атомная электростанция». ПАТЭС формально не является наземным объектом. Хандл в 2003 г. оценил механизм КЯБ как «успешный пример управления договором»: национальные доклады проходят взаимные проверки раз в три года [6]. Для мирного времени это работает. При оккупации – нет: государство-оккупант не является «оператором» в смысле КЯБ, а государство как формальный оператор теряет контроль над объектом. Механизм

оказывается недееспособным в момент, когда его роль была бы наиболее значимой.

КФЗЯМ 1980 г. с Поправкой 2005 г. устанавливает стандарты физической защиты ядерных материалов при международных перевозках и на стационарных ядерных объектах. Ограничение содержится в статье 2(4)(б): из сферы применения прямо исключаются «ядерный материал, используемый или хранящийся в рамках вооружённого конфликта». Буи в 2025 г. охарактеризовал это как «самоустранение» конвенции от наиболее опасного сценария [7]: физическая защита ядерных материалов при конфликте переходит исключительно в сферу МГП, которое само содержит изъятия применительно к ПАТЭС.

ICSANT 2005 г. содержит единственное в действующем договорном праве прямое указание на корабельные реакторы: статья 1(3)(а) определяет «ядерный объект» как «любой ядерный реактор, в том числе реакторы, установленные на морских судах». Статья 4(2) его перечёркивает: вооружённые силы государства в период вооружённого конфликта прямо исключены. Это объяснимо: ICSANT создавалась против террористов и негосударственных акторов. Но следствие парадоксально: единственный многосторонний договор, прямо упоминающий корабельные реакторы, замолкает именно тогда, когда опасность исходит от государства.

Режим гражданской ответственности воспроизводит ту же схему. Статья IV(3)(б) Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб освобождает оператора от ответственности за ущерб, являющийся «непосредственным следствием вооружённого конфликта, военных действий, гражданской войны или восстания». Хандрлица в 2019 г. реконструировал генезис этого принципа: он восходит к Брюссельской конвенции 1962 г. [8]. Для ПАТЭС конструкция порождает дополнительное противоречие: статья I(1)(j) Венской конвенции исключает «реакторы, используемые в качестве источника движения», тогда как реактор ПАТЭС используется для выработки энергии, а не для движения. Новотная и Хандрлица в 2024 г. применили аналогичную логику к Запорожской атомной электростанции (далее – ЗАЭС): «применение Венской конвенции является вопросом толкования» [9] – вопросом, который конвенционный текст не предопределяет.

СОЛАС 1974 г. регулирует безопасность морских судов, однако прямого определения «судна» применительно к нессамоходным объектам не содержит. Лизикова в 2024 г. констатировала: новые правила Американского бюро судоходства (ABS) 2024 г. разработаны специально для плавучих атомных энергоблоков,

однако носят лишь рекомендательный характер [2]. Рёбен в 2025 г. указал: из всего корпуса конвенционного морского права лишь МАРПОЛ теоретически допускает расширительное толкование, способное охватить ПАТЭС, и только применительно к предотвращению загрязнения моря [3].

ЮНКЛОС предоставляет ядерным судам право мирного прохода через территориальное море при соблюдении специальных мер предосторожности (статья 23). Соуза Ферро в 2006 г. показал: отказ в проходе лишь на основании типа силовой установки противоречит ЮНКЛОС [11]. Размещение ПАТЭС в ИЭЗ третьего государства немедленно порождает вопросы о юрисдикции и ответственности за ядерный ущерб. Рёбен отметил: ни одна из конвенций не признаёт ПАТЭС в ИЭЗ иностранного государства объектом своего регулирования [3].

Фялькофф в 2020 г. дал точное определение: статус «плавающего хамелеона» [12]. В транзите объект ближе к судну. Встав на якорь – к искусственному острову. При перемещении в зону конфликта – ни к тому, ни к другому. Конвенция SUA 1988 г. неприменима в стационарном режиме: конвенция охватывает международное судоходство, а не стационарные объекты во внутренних водах. Леопарди в 2024 г. исследовал применимость SUA к ПАТЭС специально и пришёл к выводу: в фазе постоянной эксплуатации ПАТЭС находится вне сферы действия конвенции [13]. В Арктике, где «Академик Ломоносов» уже несёт вахту и где возможность размещения последующих объектов этого класса активно обсуждается [16], правовая неопределённость усиливается особой уязвимостью экосистемы к радиологическому загрязнению. Гильфойл в 2009 г. указал: принудительный осмотр судов при подозрении в угрозе ядерной безопасности ограничен статьёй 110 ЮНКЛОС; для перехвата необходим мандат Совета Безопасности ООН или участие в Инициативе по безопасности в области распространения оружия массового уничтожения (далее – ОМУ) (PSI) [14].

ОБСУЖДЕНИЕ

Повал ещё в 2008 г. охарактеризовал правовое положение ПАТЭС как «дуализм статуса»: объект одновременно является «несамоходным судном с реакторными установками» и «стационарной АЭС в месте эксплуатации» [15]. Дуализм мирного времени создаёт удвоенную незащищённость при конфликте: ни морской режим, ни режим наземной АЭС не применяются полностью, а исключения из каждого режима совпадают по направлению.

Системный характер пробелов

объясняется тем, что каждый из трёх режимов разрабатывался под один вид угрозы, не предусматривая ПАТЭС. МГП создавалось для классических межгосударственных конфликтов без ядерных объектов в зоне боевых действий. Конвенционное ядерное право создавалось под аварийные риски мирного времени: Бёрнс в 2018 г. реконструировал, что именно Чернобыльская авария 1986 г. стала главным импульсом к разработке системы ядерных конвенций 1990-х гг. [18]. При их создании сценарий военной оккупации действующего реактора не рассматривался как реалистичный. Право моря конструировалось для традиционного судоходства без атомных энергоблоков на борту.

Цепочка взаимных отсылок такова: МГП отсылает к ядерному праву там, где специальный порог статьи 56 не достигнут; ядерное право отсылает обратно к МГП, исключив конфликтные сценарии; морское право не предлагает третьего выхода. Ознобищев С.К. в коллективной монографии ИМЭМО РАН 2023 г. констатировал: взрывы на объектах ядерной инфраструктуры становятся «средством силового давления для достижения своих целей как террористическими группировками, так и отдельными государствами» [17]. Отечественная доктрина правового статуса АЭС в зоне военных действий насчитывает только одну специальную работу [20], что само по себе указывает на лауну, которую настоящее исследование стремится заполнить.

Три перечисленные ниже меры не исключают, а дополняют друг друга. Первая – специальная конвенция под совместной эгидой МАГАТЭ и Международной морской организации (далее – ИМО), охватывающая правовой статус ПАТЭС на всех фазах эксплуатации с отдельным разделом о режиме при вооружённом конфликте. Такая конвенция должна закрепить: единое определение ПАТЭС, действующее как в стационарном, так и в транзитном режиме; обязательное уведомление МАГАТЭ при появлении ПАТЭС в зоне активного вооружённого конфликта по образцу механизма Совместной конвенции об обращении с отработавшим топливом 1997 г.; специальные меры физической защиты объекта на период конфликта; ответственность государства-оператора за ядерный ущерб, причинённый при конфликте, без права ссылаться на военное исключение при доказанной халатности в обеспечении защиты. Повал предложил саму идею специальной конвенции ещё в 2008 г. [15]; за семнадцать лет ПАТЭС перешла из проектной стадии в коммерческую эксплуатацию, а конвенция по-прежнему не принята.

Вторая мера – факультативный протокол к статье 56 ДП I, прямо включающий ПАТЭС

через функциональный критерий: нападение запрещено, если оно способно высвободить опасные силы, независимо от того, подпадает ли объект под буквальное определение «атомной электростанции» 1977 г. Третья – верификационный механизм МАГАТЭ для ПАТЭС по образцу Инспекционной и вспомогательной миссии в области ядерной безопасности (ИСАМЗ), созданной для ЗАЭС в сентябре 2022 г., активируемый автоматически при появлении ПАТЭС в зоне активного конфликта.

Современное атомное право в целом осознаёт проблему нормативных пробелов для мобильных ядерных объектов [19]. Монография Романовой фиксирует, что возможность размещения последующих российских плавучих энергоблоков обсуждается как серийный проект [19]. Это придаёт предложениям *de lege ferenda* не только доктринальный, но и непосредственно практический характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

De lege lata плавучая атомная электростанция в условиях вооружённого конфликта лишена каких-либо специальных правовых гарантий. Специальная защита статьи 56(1) ДП I не распространяется на ПАТЭС ввиду текстуального и технологического разрыва. Конвенционное ядерное право самоустраняется через военные исключения или критерий наземности. Право моря не содержит норм о статусе ПАТЭС в вооружённом противостоянии. Режим гражданской ответственности освобождает оператора через военное исключение. Три режима не просто содержат пробелы – их пробелы замкнуты в круг: каждый создавался для отдельного вида угрозы без расчёта на ПАТЭС.

De lege ferenda необходимы три взаимодополняющие меры: специальная конвенция МАГАТЭ/ИМО с разделом о режиме при конфликте; факультативный протокол к статье 56 ДП I, включающий ПАТЭС через функциональный критерий «способности высвободить опасные силы»; верификационный механизм МАГАТЭ, активируемый автоматически при появлении ПАТЭС в зоне конфликта.

Исследование систематизирует правовые пробелы трёх режимов с учётом договорных обязательств Российской Федерации и формулирует конкретные предложения *de lege ferenda* – то, чего предшествующие работы, анализировавшие каждый режим отдельно, в совокупности не давали.

Список литературы:

[1] Барамидзе Д.Д. Правовое обеспечение экологической безопасности плавучих атомных теплоэлектростанций в Арктике // Государство и

право. 2023. № 2. С. 62–71.

[2] Лизикова М.С. Инновационные атомные энерготехнологии в Арктике: к вопросу об особенностях международно-правового регулирования // Образование и право. 2024. № 11. С. 36–42. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-11-36-42.

[3] Röben V. Ocean Power: Floating Nuclear Power Plants under the Law of the Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2025. Vol. 40. Iss. 2. P. 350–371. DOI: 10.1163/15718085-bja10227.

[4] Glikman O.V., Korolkova Y.Ye. International Legal Regulation of the Protection of Energy Facilities during Armed Conflicts // Kutafin Law Review. 2025. Vol. 12. Iss. 4. P. 857–881. DOI: 10.17803/2713-0533.2025.4.34.857-881.

[5] San Remo Manual on International Law Applicable to Armed Conflicts at Sea / ed. by L. Doswald-Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. ix, 257 p.

[6] Handl G. The IAEA Nuclear Safety Conventions: An Example of Successful “Treaty Management”? // Nuclear Law Bulletin. 2003. No. 72 / Vol. 2003/2. P. 7–28.

[7] Buis E. Atoms for Peace in a Time of International Conflict // Nuclear Law Bulletin. 2025. No. 112 / Vol. 2024/1. P. 7–40.

[8] Handrlica J. The Rijeka Draft of a Convention on the Liability of Operators of Nuclear Ships: A Very Late Requiem // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. 2019. Vol. 40. No. 3. P. 1153–1174.

[9] Novotná M., Handrlica J. Playing with Fire at the Zaporizhzhia Nuclear Power Plant and the Challenges for International Nuclear Law in Central Europe // Bratislava Law Review. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 57–74. DOI: 10.46282/blr.2024.8.2.880.

[10] de Boissieu E. The Qualification of Nuclear Substances and Nuclear Liability // Nuclear Law Bulletin. 2023. No. 108/109. P. 75–87.

[11] Sousa Ferro M. Right of Innocent Passage of Ships Carrying Ultra-Hazardous Cargoes // Nuclear Law Bulletin. 2006. No. 78 / Vol. 2006/2. P. 5–18. DOI: 10.1787/nuclear_law-2006-5k9cx3f75zxq.

[12] Fialkoff M.R. The Floating Chameleon: Floating Nuclear Power Plants and the Nexus of Maritime and Nuclear Security Law // Journal of Maritime Law and Commerce. 2020. Vol. 51. Iss. 2. P. 103–147.

[13] Ratcovich Leopardi M. International Law and Ocean Nuclear Power Plants in the Arctic // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2024. Vol. 39. Iss. 4. P. 712–741.

[14] Guilfoyle D. Shipping Interdiction and the Law of the Sea. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 232–259.

[15] Повал Л.М. Международно-правовой статус плавучих атомных электростанций как участников торгового мореплавания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2008.

[16] Кучинов В.П., Лысенко М.Н. Международно-правовое регулирование использования плавучих атомных электростанций: проблемные вопросы // Международное публичное и частное право. 2021. № 5. С. 21–24. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-5-21-24.

[17] Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция: монография / отв. ред. А.Г. Арбатов, К.В. Богданов, О.В. Гусарова, М.Г. Евтодьева. М.: ИМЭМО РАН: Весь Мир, 2023. 432 с. (Гл. 20: Ознобищев С.К. Новые угрозы катастрофического терроризма. С. 353–362.)

[18] Burns S.G. The Impact of the Major Nuclear Power Plant Accidents on the International Legal Framework for Nuclear Power // Nuclear Law Bulletin. 2018. No. 101 / Vol. 2018/2. P. 7–30.

[19] Современное атомное право: монография / под ред. В.В. Романовой. М.: АНО «НИЦ развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», 2025. 432 с. DOI: 10.61525/978-5-6050667-6-7.

[20] Лебедева Ю.В. Правовые вопросы безопасности АЭС в зоне военных действий // Правовой энергетический форум. 2024. № 1. С. 15–19. DOI: 10.61525/S231243500030168-2.

References:

[1] Baramidze D.D. Legal support of environmental safety of floating nuclear power plants in the Arctic // State and law. 2023. № 2. S. 62–71.

[2] Lizikova M.S. Innovative nuclear energy technologies in the Arctic: to the question of the peculiarities of international legal regulation // Education and law. 2024. № 11. S. 36–42. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-11-36-42.

[3] Röben V. Ocean Power: Floating Nuclear Power Plants under the Law of the Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2025. Vol. 40. Iss. 2. P. 350–371. DOI: 10.1163/15718085-bja10227.

[4] Glikman O.V., Korolkova Y.Ye. International Legal Regulation of the Protection of Energy Facilities during Armed Conflicts // Kutafin Law Review. 2025. Vol. 12. Iss. 4. P. 857–881. DOI: 10.17803/2713-0533.2025.4.34.857-881.

[5] San Remo Manual on International Law Applicable to Armed Conflicts at Sea / ed. by L. Doswald-Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. ix, 257 p.

[6] Handl G. The IAEA Nuclear Safety Conventions: An Example of Successful “Treaty Management”? // Nuclear Law Bulletin. 2003. No. 72 / Vol. 2003/2. P. 7–28.

[7] Buis E. Atoms for Peace in a Time of International Conflict // Nuclear Law Bulletin. 2025. No. 112 / Vol. 2024/1. P. 7–40.

[8] Handrlica J. The Rijeka Draft of a Convention on the Liability of Operators of Nuclear Ships: A Very Late Requiem // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. 2019. Vol. 40. No. 3. P. 1153–1174.

[9] Novotná M., Handrlica J. Playing with Fire at the Zaporizhzhia Nuclear Power Plant and the Challenges for International Nuclear Law in Central Europe // Bratislava Law Review. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 57–74. DOI: 10.46282/blr.2024.8.2.880.

[10] de Boissieu E. The Qualification of Nuclear Substances and Nuclear Liability // Nuclear Law Bulletin. 2023. No. 108/109. P. 75–87.

[11] Sousa Ferro M. Right of Innocent Passage of Ships Carrying Ultra-Hazardous Cargoes // Nuclear Law Bulletin. 2006. No. 78 / Vol. 2006/2. P. 5–18. DOI: 10.1787/nuclear_law-2006-5k9cx3f75zxq.

[12] Fialkoff M.R. The Floating Chameleon: Floating Nuclear Power Plants and the Nexus of Maritime and Nuclear Security Law // Journal of Maritime Law and Commerce. 2020. Vol. 51. Iss. 2. P. 103–147.

[13] Ratcovich Leopardi M. International Law and Ocean Nuclear Power Plants in the Arctic // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2024. Vol. 39. Iss. 4. P. 712–741.

[14] Guilfoyle D. Shipping Interdiction and the Law of the Sea. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 232–259.

[15] Poval L.M. International legal status of floating nuclear power plants as participants in merchant shipping: author. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.10. М., 2008.

[16] Kuchinov V.P., Lysenko M.N. International legal regulation of the use of floating nuclear power plants: problematic issues // International public and private law. 2021. № 5. S. 21–24. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-5-21-24.

[17] International security: a new world order and technological revolution: monograph/rev. ed. A.G. Arbatov, K.V. Bogdanov, O.V. Gusarova, M.G. Evtodieva. M.: IMEMO RAS: All the World, 2023. 432 p. (Ch. 20: Oznobishchev S.K. New threats of catastrophic terrorism. S. 353–362.)

[18] Burns S.G. The Impact of the Major Nuclear Power Plant Accidents on the International Legal Framework for Nuclear Power // Nuclear Law Bulletin. 2018. No. 101 / Vol. 2018/2. P. 7–30.

[19] Modern atomic law: monograph/ed. V.V. Romanova. M.: АНО “Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science named after V.A. Musina,” 2025. 432 pp. DOI: 10.61525/978-5-6050667-6-7.

[20] Lebedeva Yu.V. Legal issues of NPP safety in the war zone // Legal Energy Forum. 2024. № 1. S. 15–19. DOI: 10.61525/S231243500030168-2.